

УДК 904:656.12](571.1)
DOI 10.17223/19988613/43/7

Е.В. Барсуков

«ТЕМНЫЙ ВЕК» СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСТРОЙКИ XV в. НА ГОРОДИЩЕ ШАЙТАН III

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект № 14-50-00036).

Статья посвящена проблемам этнокультурного развития Томского Приобья во II тыс. н.э. Традиционная историко-культурная схема имеет хронологический пробел, который приходится на XV в. Первым шагом в решении проблемы «темного века» стали исследования городища Шайтан III, на котором выявлена постройка XV в. Новые материалы позволяют пересмотреть нижнюю хронологическую границу позднесредневековой керамики и ставят проблему формирования тюркского населения в Томском Приобье, ключевой датой в котором стал XV в.

Ключевые слова: Томское Приобье; позднее Средневековье; городище Шайтан III; XV в.

История исследований памятников II тыс. н.э. в Томском Приобье берет начало с конца XIX в., с раскопок на могильниках Тоянов городок, Чернильщиковский, Тохтамышевский. За вековой период количество исследованных объектов эпохи Средневековья многократно увеличились, что позволило разработать хронологию памятников и схему этнокультурного развития в Томском Приобье во II тыс. н.э. Важнейшим процессом, определявшим историко-культурную ситуацию и перспективы развития региона, стала так называемая тюркизация, под которой подразумевается трансляция культурных ценностей тюркского мира, а возможно, и появление самих носителей традиций в Томском Приобье. Формирование местных тюркских групп, известных по письменным источникам XVII в., является одним из аспектов этого процесса. Актуальность этнокультурной составляющей истории региона обусловила постоянный исследовательский интерес к этой тематике. Новые археологические материалы позволяют увидеть временные разрывы и «белые пятна» в историко-культурном развитии, а именно XV в., на который приходится условный переход от развитого к позднему Средневековью. Анализ историографической ситуации показывает, что XV в. «выпал» из хронологических схем, став «темным веком» археологии Томского Приобья. Это ставит задачу изучения XV в. как актуальную проблему восстановления единой хронологической шкалы в этнокультурном развитии Томского Приобья. Импульсом для этого послужили результаты раскопок 2007 г. на городище Шайтан III, в ходе которых выявлена постройка XV в.

Городище находится в Кожевниковском районе Томской области, на правом берегу р. Оби. В прошлом это территория Темерчинской волости (рис. 1). В XVII в. здесь была расположена переправа через Обь, упоминаемая в источниках как «Бухарский перевоз» [1. С. 148–150]. Памятник входит в комплекс объектов, получивших название Шайтанский археологический микрорайон. Он располагается на участке, где коренная терраса, протянувшаяся параллельно обскому руслу от с. Кире-

евск и до устья р. Таган, начинает удаляться в сторону водораздела [2. С. 37–39]. Памятники микрорайона занимают наиболее возвышенный и расчлененный оврагами участок террасы. Мысы заняты селищами и городищами. Четыре зафиксированных городища, идущих непрерывной цепью по кромке террасы, датируются в пределах II тыс. н.э.

Городище Шайтан III находится в центральной части «поселенческого микрорайона», на наиболее глубоко врезанном в пойму мысе. Он имеет форму узкого треугольника, вытянутого по линии северо-восток – юго-запад, возвышается над поймой приблизительно на 25 м. Городище площадью 2 900 кв. м занимает незначительную часть мыса, укрепления расположены на участке, где его ширина достигает около 50 м.

Система укреплений городища Шайтан III, классическая для позднесредневековой фортификации Томского Приобья, состоит из внешнего рва и внутреннего вала. Вал практически не выражен в рельефе, его средняя ширина около 3,5 м, максимальная высота от уровня площадки городища 0,5 м. С внутренней стороны к валу примыкают три маловыразительные западины: две у кромки террасы, одна в центральной части. Ров выглядит более солидно, его средняя ширина 7 м, глубина от уровня вершины вала 3,5 м. Даже в настоящее время преодолеть его проблематично.

Рельеф внутри городища очень неровный, помимо большого числа мелких западин и небольших ямок, фиксируется выраженная эрозионная ступень, делящая городище на две части (рис. 2). В основной части, от вала и до кромки ступеньки, фиксируются 20 западин. Во второй, «дополнительной», части на стрелке мыса от подножия естественной ступени и до кромки – 6 небольших западин. Эрозионную ступень использовали также как естественную основу для укреплений в оконечности мыса: на ее кромке фиксируется невысокий вал, у подножия – ров, их протяженность 18 м. Подобный фортификационный прием находит аналогии в Томском Приобье на Басандайском городище [3. С. 10].

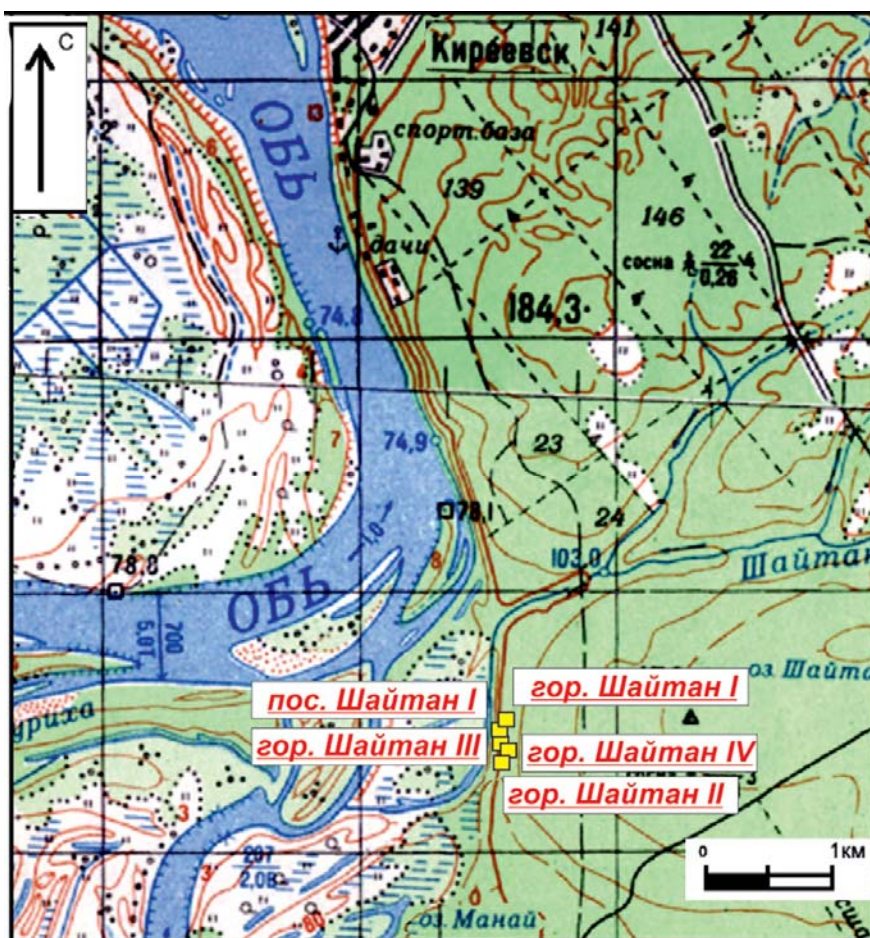

Рис. 1. Месторасположение городища Шайтан III

Материалы раскопок городища Шайтан III дают широкую датировку: XI–XVII вв. К сожалению, памятник не стратифицирован. Особенности почв, гранулометрический состав которых представлен супесью порошистой или пылевато-песчаной структуры, обусловили «бедность» стратиграфии.

Памятник отличает необычайно высокая насыщенность артефактами. Массово представлены находки, связанные с металлургическим производством, традиции которого в этом районе прослеживаются до XVIII в. [4. С. 18]. Об интенсивности протекавших здесь процессов свидетельствуют как мощность культурного слоя (1,2 м), так и содержание фосфора, даже в межжилищном пространстве оно до 6 раз превышает фоновые значения.

На памятнике исследовано несколько объектов. Несомненный интерес для реконструкции средневековых строительных традиций имеет постройка, остатки которой попали в границы раскопа. На современной поверхности она проявлялась как мелкорельефная округлая западина, западный край которой практически не фиксировался из-за понижения мыса в сторону поймы. На фоне материка выявились четкие контуры котлована в виде прямоугольного углубления, сориентированного углами по сторонам света, с приблизительными размерами 4x3,5 м.

При расчистке в юго-западной половине основной камеры выявлено еще одно углубление прямоугольной

формы (3,1x2,3 м), ориентированное по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Внутренний котлован, площадью около 7,1 кв. м, имел практически отвесные стенки, симметричные внешнему котловану. Возможно, четкость границ внутреннего котлована – это результат укрепления его стенок поставленными на ребро плахами толщиной 2–3 см, которые прослеживались с трех сторон, кроме той, что была со стороны входа.

На юго-восточной стороне внешнего котлована, со смещением к южному углу, находился вытянутый вход шириной 1,45 м, длиной около 1 м. Локализацию входа в этом месте подтверждает тот факт, что юго-восточная стенка внутреннего котлована, обращенная к выходу, в отличие от остальных, почти не прослеживалась. Она была сnivelирована, «стоптана» обитателями постройки, которых эта часть помещения связывала с внешним миром. Единственным сохранившимся свидетельством конструктивного оформления входа является расположенная почти по его центру округлая яма диаметром 25–30 см и глубиной около 30 см. Вероятнее всего, это след опорного столба «каркаса» для навеса над входом.

В центральной части основной постройки сохранились остатки рухнувшей кровли, сложенной из мощных горбылей. После расчистки под ними обнаружены фрагменты очага. Его сохранность была крайне неудовлетворительной. Удалось выявить совсем незначительный фрагмент камеры, изготовлен-

ной из глины с примесью мелкого камня. На внутренней, сильно ошлакованной, «спекшейся» поверхности камеры сохранились бороздки от заглаживания пальцами глиняной массы. Для позднесредневековых по-

строек наличие очагов-печей, или чужалов, является характерной особенностью. К сожалению, сильная фрагментарность не позволяет восстановить их детали [5. С. 37].

Рис. 2. Топографический план городища Шайтан III

Рис. 3. Керамика с постройки городища Шайтан III

Важное значение имеют особенности несущей конструкции постройки. В южном углу удалось зафиксировать угловое сочленение двух обгоревших бревен, являющихся остатками стены. Бревна диаметром 0,14–0,22 м, на одном из которых заметны четкие следы врубки, были уложены в «чашку», что свидетельствует о применении срубной технологии.

Использование срубной техники впервые археологически документировано для Томского Приобья в постройке на городище Шайтан III. В известных нам материалах достоверно зафиксировать крепление бревен в «чашку» до сих пор не удавалось. На городище Ше-

ломок упоминается срубная постройка, однако в описании отмечено только наличие полубревен по ее периметру. Характер сочленения бревен из-за фрагментарности не установлен, что не дает оснований для определения типа конструкции – срубно-столбовая или срубная [4. С. 35]. В археологии применение срубной техники часто предполагается по отсутствию столбовых ямок в углах и по границам котлована. По периметру постройки городища Шайтан III столбовых ямок, действительно, не было, при том, что даже слабо углубленные объекты прекрасно читаются на светлом материковом фоне памятника. Однако вывод о суще-

ствовании срубного домостроительства следует делать не по отсутствию столбовых ямок, следы от которых в слабых подвижных грунтах легко исчезали, а на основании характера крепления бревен в углах, если это возможно установить, как в постройке на городище Шайтан III.

Постройка на городище Шайтан III привлекает внимание не только конструктивными особенностями, но и временем существования. Образцы обугленного дерева сохранившихся деревянных конструкций анализировались в Институте истории материальной культуры (Санкт-Петербург) и Институте мониторинга климатических и экологических систем (Томск), что позволило определить период ее функционирования. Все полученные даты укладываются в пределах XV в. (таблица).

Результаты датирования деревянных фрагментов постройки на городище Шайтан III

Индекс	Дата	Календарный возраст (калибровка произведена с помощью программного пакета OxCal3)	
		68,2%	95,4%
Ле-9354	450±45BP	1415–1475	1400–1630
Ле-8260	490±50BP	1400–1455	1300–1490
IMCES -14C108	495±20 BP	1418–1436	1409–1441
ИМКЭС-14C250	480±50	1400–1470	1320–1620
ИМКЭС-14C247	474±50	1405–1470	1320–1620
ИМКЭС-14C249	446±50	1415–1490	1400–1630

В пределах котлована зафиксировано огромное количество находок: металлические изделия, керамика, камни, металлургический шлак, кости. Продолжительный период функционирования городища и слабая стратифицированность культурного слоя оставляют сомнение в их хронологической приуроченности к постройке. Такая связь выглядит убедительной лишь применительно к углубленным в материк объектам. Вероятнее всего, это остатки хозяйственных ям. Аргументом в пользу подобной интерпретации выступает наличие в их заполнении большого количества костей и обожженных камней. Так как постройка погибла от пожара и ямы оказались перекрыты кусками обугленных конструкций, их синхронность выглядит доказуемой. Кроме этого, пробы угля, взятые для радиоуглеродного анализа из заполнения ям, дали датировку, аналогичную фрагментам постройки.

Хронологическая приуроченность постройки к XV в. интересна не только для изучения строительных традиций, но и с историко-культурных позиций.

Хронология поселенческих памятников II тыс. н.э. в Томском Приобье устанавливается прежде всего по особенностям керамики, которая зачастую является основным датировочным материалом. Керамический комплекс II тыс. н.э., в том числе и на городище Шайтан III, хронологически разбивается на две условные

группы. При отсутствии репрезентативной для региона типологии керамики эта хронологическая схема является на сегодня безальтернативной. Отличия в орнаментации керамики обеих групп очевидны, определить принадлежность каждой из них к тому или иному хронологическому периоду не составляет труда.

Первая группа: круглодонные слабопрофилированные горшки. Яркой особенностью этой керамики является наличие орнамента только в верхней части сосуда. Венчики прямые или с карнизом по внешнему краю. Срез скошен наружу, орнаментирован оттисками гребенки или гладкого штампа, реже фигурными вдавлениями. Шейка в большинстве случаев украшалась горизонтальным рядом ямок, редко – лунок, вертикальными или горизонтальными оттисками гребенки, горизонтальным рядом «резных» треугольников, ромбиков или рядом оттисков отступающей палочки. Основная часть узора располагалась на плечике, редко переходя на тулово. Преобладала горизонтальная полоса из вертикальных, наклонных, реже горизонтальных оттисков гребенчатого или гладкого штампа. Тулово украшалось очень редко и только в верхней части.

Подобная керамика широко известна на памятниках развитого средневековья в Томском Приобье [6. С. 97–107; 7. С. 141–147; 8. С. 142–144], в Новосибирском Приобье [9. С. 29–37], на памятниках первой половины II тыс. н.э. в Кузнецкой котловине и Кемеровском Приобье [10. С. 86–90]. Некоторая близость обнаруживается также с посудой X–XIII вв. в Среднем Причумылье [11. С. 58–63].

Вторая группа: круглодонные горшки, закрытые банки и чаши. Отличительная особенность – заполнение орнаментом всей поверхности сосуда или его значительной части. Венчик отогнут наружу, с внешней стороны имеет утолщение или карниз. Срез орнаментировался вдавлениями гребенки, реже – гладкого штампа. Орнамент на поверхность сосуда наносился вертикально или наклонно поставленным штампом, гребенчатым, гладким или их уголками. Зафиксировано применение геометрических мотивов: гребенчатый зигзаг, пояс ромбов из нескольких отпечатков гребенки. Керамика этой группы выделяется декором в виде пальцевых или ногтевых вдавлений. Орнаментация сосудов довольно однообразна, интерес представляет верхняя треть с особым окаймляющим мотивом. Представляется, что именно эта черта будет определяющей при анализе керамического комплекса этой группы.

Такая керамика распространена в Томском Приобье на Могильницком, Коларовском, Кижировском городищах, поселениях Шеломок I, на могильниках Козюлинский, Коларовский [5. С. 98–101; 8. С. 144–147]. Схожая керамика встречается и в Новосибирском Приобье [12. С. 59].

Согласно сложившейся в историографии схеме развития орнаментальных традиций керамики II тыс. н.э. в Томском Приобье, керамика XI–XIV вв. (1-я группа) сменяется керамикой XVI–XVII вв. (2-я группа) [5.

С. 124–125; 7. С. 146–147]. Совершенно очевидно, что XV в. «как бы выпал» из этой схемы. Хронологический разрыв негативно сказывается не только на датировке поселенческих комплексов, которая часто осуществляется по керамике. Вне научного анализа остается исторический контекст проблемы соотношения керамики развитого Средневековья (1-я группа) и позднего Средневековья (2-я группа). Исключение XV в. из историко-культурной схемы «снимает» вопросы, которые требуют ответа: прослеживается ли эволюционный переход между разновременными группами керамики или произошла быстрая смена традиции и преемственность отсутствует, а может, в какой-то период они сосуществуют? Очевидно, что Томское Приобье не могло быть необитаемым в течение целого века. Исследователи делают осторожные попытки «дотянуть» или «опустить» хронологические рамки того или иного памятника до XV в. [5. С. 124; 6. С. 116, 127; 13. С. 179]. Однако на сегодняшний день ясности в этом вопросе не наблюдается.

«Выпадение» XV в. из средневековой археологии Томского Приобья, видимо, связано с ситуацией, сложившейся в ходе изучения региона, когда определена группа базовых погребальных комплексов, на которых и была построена хронологическая схема. Для развитого Средневековья опорными являются материалы Астраханцевского, Еловского и Басандайского курганных могильников, а также некрополя у устья Малой Киргизки [6. С. 108–117]. Время их существования ограничено XI–XIV вв.

Позднесредневековая хронология опирается на материалы могильников, наиболее информативными из которых является Козюлинский и Коларовский. В контексте затронутых проблем интерес представляют и закрытые комплексы курганов у д. Чернильщикова, д. Тохтамышево и Тоянова городка (часть материала этих памятников не атрибутирована по погребениям). Их традиционная датировка укладывается в пределы XVI–XVII вв. [5. С. 4]. В середине прошлого столетия А.П. Дульзон предположил, что три последних кладбища принадлежали тюркским группам, занимавшим в XVII в. территорию Нижнего Притомья. Наличие изделий русского производства в составе инвентаря могил обусловило их привязку к начальному этапу русского освоения [13. С. 160, 161–163]. С тех пор хронология памятников не пересматривалась.

Таким образом, XV в. выступает в роли хронологического маркера, который разделяет периоды существования закрытых комплексов развитого и позднего Средневековья. Следует подчеркнуть, что керамика II тыс. н.э., датируемая по материалам базовых могильников, также разделяется на две аналогичные хронологические группы, разорванные временной лакуной, приходящейся на XV в. Разрыв в хронологической схеме порождает комплекс проблем, связанных с интерпретацией этнокультурной ситуации и ее динамики в регионе. Например, датировка городища Шайтан III,

опирающаяся только на керамический материал, согласно сложившейся схеме, должна быть представлена двумя периодами: XI–XIV и XVI–XVII вв. Для того чтобы состыковать оба периода и определить, какие орнаментальные традиции характерны для «выпавшего» из хронологической схемы XV столетия – «предшествующие» XI–XIV вв. или «будущие» XVI–XVII вв. (а может, их синтез), – необходимо привлечь материалы закрытых комплексов XV в. Поэтому обнаружение постройки, датированной XV в., имеет значение не только для городища Шайтан III, но и для археологии региона в целом. Постройка городища Шайтан III позволяет заложить «первый камень» в заполнение временной и историко-культурной лакуны в средневековой археологии Томского Приобья.

Из хозяйственных ям постройки городища Шайтан III происходит незначительная по количеству, но емкая с позиций историко-культурного анализа коллекция фрагментов сосудов (рис. 3). Орнаментация подобной керамики незамысловата. Черепки украшены по всей поверхности гладким или гребенчатым штампом, уголками, ногтевыми вдавлениями, ямками. Для верхней части сосудов характерно наличие «окаймляющего мотива», расположенного в области шейки и плечика. Венчики отогнуты наружу, по внешнему краю и срезу деформированы глубокими оттисками гребенки или палочки. Найденные в постройке фрагменты находят многочисленные аналогии в материалах позднесредневековых памятников, традиционно датируемых XVI–XVII вв. (2-я группа). Подобные сосуды бытуют в регионе вплоть до начала XVIII в. и связаны с местным тюркским населением. Присутствие аналогичной керамики в одном слое с гончарной русской керамикой зафиксировано на поселении Энеков остров. По сведениям Г.Ф. Миллера, здесь проживали несколько семей зуштинских татар, занимавшихся рыбной ловлей [14. С. 172]. Нижняя хронологическая граница керамики 2-й группы, за которую принимается XVI в., представляется искусственной и необоснованной [15. С. 18]. Ее присутствие в объекте XV в. указывает на распространение позднесредневековых орнаментальных традиций как минимум на столетие раньше. В этом контексте первостепенным является вопрос об истоках этой керамики. На сегодняшний день она словно повисает в историческом пространстве.

Совершенно очевидно, что XV в. для населения Томского Приобья является своеобразным переломным рубежом. Именно на это столетие приходится хронологическая грань, разделяющая периоды функционирования крупных могильников II тыс. н.э. Некрополи развитого Средневековья, такие как Астраханцево и Усть-Киргизка, были оставлены. В других местах появляются новые кладбища, подобные Козюлинскому и Коларовскому могильникам.

По-видимому, в это время происходит и смена хозяйственной ориентации населения. Для развитого

средневековья характерно исключительно коневодство: кости лошади составляют почти 100% остеологического материала [16. С. 238]. В позднем Средневековье ситуация меняется, соотношение костей домашних и диких животных практически выравнивается. В состав стада при доминировании лошади входит крупный и мелкий рогатый скот [5. С. 109–110]. Перемены в скотоводстве, возможно, связаны с климатическими изменениями. На позднее Средневековье приходится начало «Малого ледникового периода», который носил глобальный характер [17. С. 99]. Это могло привести к экономической дезориентации населения и формированию новой экономической модели, адекватной изменившимся природным условиям.

Смена керамических традиций в Томском Приобье, по крайней мере исчезновение керамики I-й группы, также приходится на XV в. На уровне сегодняшних знаний механизм этой перемены труднообъясним. Эволюционного перехода между двумя группами ке-

рамики, который предлагается для памятников Новосибирского Приобья, здесь не наблюдается. Подобная смена орнаментальных традиций выглядит скорее как процесс «скачкообразный».

На наш взгляд, именно XV в. стал ключевой датой в формировании тюркского населения Томского Приобья, известного к моменту появления русских. Этот аспект станет важнейшим в изучении этногенеза местных тюркских групп и уже сейчас выходит за рамки частной или локальной проблемы. Изучение отмеченного «хронологического пробела» позволит ответить не только на вопросы, связанные с генезисом керамики, но и с конечной фазой сложения местных этнотерриториальных групп. Очевидно, что обозначенные проблемы могут быть решены только посредством комплексного исследования, с учетом всех факторов, повлиявших на исторический процесс. Непременными условиями являются расширение территориальных рамок исследования, анализ материалов Новосибирского и Нарымского Приобья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Е.В. «Перевоз» через реку Обь в XVII веке: географический и историко-культурный аспекты // Вестник Томского университета. История. 2012. № 3 (19). С. 148–155.
2. Зайцева О.В., Барсуков Е.В., Гусев А.В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 37–39.
3. Гриневич К.Э. Археологическое исследование урочища Басандайка близ гор. Томска // Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98. С. 5–51.
4. Барсуков Е.В. Средневековые металлурги реки Таган // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2010. С. 13–25.
5. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем Средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990. 133 с.
6. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 350 с.
7. Гриневич К.Э. Опыт классификации и датировки Басандайской керамики // Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Труды Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск, 1947. Т. 98. С. 141–147.
8. Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н.э.) // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 129–152.
9. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск, 2000. 258 с.
10. Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 69–112.
11. Беликова О.Б. Среднее Причумылье в XI–XIII вв. Томск, 1996. 272 с.
12. Адамов А.А. Городища чатских татар в Новосибирском Приобье // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 55–61.
13. Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–335.
14. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. 6. 312 с.
15. Зайцева О.В., Капитонова М.А. Предварительные итоги исследования Шайтанского археологического микрорайона (к археологической карте Кожевниковского района Томской области) // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 15–19.
16. Золотухин В.В., Водясов Е.В. Система жизнеобеспечения средневекового населения Шайтанского археологического микрорайона // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 236–239.
17. Евсеева Н.С., Жилина Т.Н. Палеогеография позднеледниковья и голоцена (корреляция событий) : учеб. пособие. Томск, 2008. 175 с.

Barsukov Evgeniy V. Tomsk State University (Tomsk, Russia) ; Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch of RAS (Novosibirsk, Russia). E-mail: barsukovevg@mail.ru

THE 'DARK AGE' IN THE MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF THE TOMSK OB AREA: RESULTS OF A STUDY OF A XV CENTURY CONSTRUCTION AT THE SHAITAN III FORTIFIED SETTLEMENT.

Keywords: Tomsk Ob area; Late Middle Ages; Shaitan III fortified settlement; XV century.

The historical-and-cultural situation in the Tomsk Ob area in the II millennium A.C. has been studied for over a hundred years based purely on archaeological material. Formed were the chronology of the sites and the scheme of the region's ethno-cultural development, the vector and prospects of which were largely determined by so-called 'Turkization', with the formation of Turkic groups being one of its most topical aspects. New archaeological material allows seeing time gaps and 'blanks' in the existing ethno-cultural scheme that are connected with the XV c. – a 'dark age' in the archaeology of the Tomsk Ob area, which 'falls out' from the overall picture of the region. That puts forward the task of studying the XV c. as a pressing problem of building a unified chronological scale regarding the Tomsk Ob area's development. The needed impetus was given by the research on the Shaitan III fortified settlement in the Tomsk region. During the excavations here, a construction was found, which had been built using the log house technique. The construction technique of this type was, for the first time, archaeologically recorded in the Tomsk Ob area which is important for the reconstruction of medieval building traditions. According to the radiocarbon analysis results, the construction dates back to the XV c. The identification of a XV c. construction is significant in terms of furthering research on the development of ornamental traditions in ceramics of the Tomsk Ob area in the II millennium A.C., which according to main burial sites material was divided into two chronological groups: 1) from the XI to the XIV c.; 2) from the XVI to the XVII c. Obviously, the XV c. was left out of the picture. The chronological gap has a negative impact not

only on the dating of settlement complexes often carried out with the help of ceramics. Outside the research scope remains the historical context of the relationship between High Middle Ages ceramics (1st group) and Late Middle Ages ceramics (2st group). The analysis of the ceramics found in the XV c. construction pit points to the fact that Late Middle Ages ornamental traditions had been spread at least a hundred years earlier than previously thought. And here, the question comes to the fore as to the origins of this ceramics – the one which seems to be left up in the air today. The XV c. is in a sense a turning period in the life of the population in the Tomsk Ob area. In this period, continuity in the use of cemeteries was disrupted; the local population's economy was reoriented. Probably, it is during this century that the change in ceramics traditions took place. In our view, the XV c. was a key time in the formation of the Turkic population in the Tomsk Ob area known to have been present in the region by the time the Russians arrived. The XV c. problem is crucial to the study of local Turkic groups' ethno-genesis and it is already becoming less of an isolated and local one.

REFERENCES

1. Barsukov, E.V. (2012) Ferry over the Ob river in the 17th century: geographical, historical and cultural aspects. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(19), pp. 148-155. (In Russian).
2. Zaytseva, O.V., Barsukov, E.V. & Gusev, A.V. (2004) O vydelenii Shaytanskogo arkhеologicheskogo mikrorayona na yuge Tomskoy oblasti [On the Shaitansky archeological district in the south of Tomsk Region]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Arkheologicheskie mikrorayony Severnoy Evrazii* [Archaeological districts of Northern Eurasia]. Omsk: Apelsin. pp. 37-39.
3. Grinevich, K.E. (1947) Arkheologicheskoe issledovanie urochishcha Basandayka bliz gor. Tomsk [Archaeological research of Basandayka Tracts near Tomsk]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkhеologii Tomskoy oblasti* [Basandayka. The collection of materials and research on archeology of Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5-51.
4. Barsukov, E.V. (2010) Srednevekovye metallurgi reki Tagan [Medieval steelworkers on the Tagan River]. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of Tomsk Regional Museum]. Tomsk: [s.n.]. pp. 13-25.
5. Pletneva, L.M. (1990) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkhеologicheskim istochnikam)* [The Ob near Tomsk in the late Middle Ages (according to the archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n.e. (po arkhеologicheskim istochnikam)* [The Ob near Tomsk in the early 2nd millennium AD (According to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Grinevich, K.E. (1947) Opyt klassifikatsii i datirovki Basandayskoy keramiki [The classification and dating of Basandayka pottery]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka. Sbornik materialov i issledovaniy po arkhеologii Tomskoy oblasti* [Basandayka. The collection of materials and research on archeology of Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 141-147.
8. Yakovlev, Ya.A. & Mets, F.I. (1993) Selishche Zolotaya gorka (k postanovke voprosa ob etnicheskoy situatsii v Tomskom Priob'e II tys. n.e.) [The settlement Zolotaya gorka (to the ethnic situation in Tomsk Ob in the 2nd millennium AD)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Priob'e* [The archaeological research in the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129-152.
9. Adamov, A.A. (2000) *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [The Ob near Novosibirsk in the 10th – 14th centuries]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University.
10. Shirin, Yu.V. (2004) Gorodishche Gorodok i ego okrestnosti v drevnosti [The mound town Gorodok and its surroundings in the ancient]. *Kuznetskaya starina*. 6. pp. 69-112.
11. Belikova, O.B. (1996) *Srednee Prichulyum'e v XI–XIII vv.* [The Middle Chulyum in the 11th – 13th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Adamov, A.A. (1989) Gorodishcha chatskikh tatar v Novosibirskom Priob'e [The mounds of the Chat Tatars in the Ob near Novosibirsk]. In: *Pamyatniki Novosibirskoy oblasti* [Monuments of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Novosibirsk Book Publ. pp. 55-61.
13. Dulzon, A.P. (1953) *Pozdnie arkhеologicheskie pamyatniki Chulyuma i problema proiskhozhdeniya chulymskikh tatar* [The late archaeological monuments of the Chulyum and the problem of the origin of Chulyum Tatars]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 127-335.
14. Miller, G.F. (1996) Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera [Siberia of the 18th century in the travelogues by G.F. Miller]. In: Pokrovsky, N. (ed.) *Istoriya Sibiri. Pervoistochniki* [History of Siberia. Primary sources]. Novosibirsk: SB RAS.
15. Zaytseva, O.V. & Kapitonova, M.A. (2003) Predvaritel'nye itogi issledovaniya Shaytanskogo arkhеologicheskogo mikrorayona (k arkhеologicheskoy karte Kozhevnikovskogo rayona Tomskoy oblasti) [Preliminary results of the study of the Shaitansky archeological district (to the archaeological map of Kozhevnikovo district, Tomsk Region)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnotaizhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and ethnographic research in the southern taiga zone of West Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 15-19.
16. Zolotukhin, V.V. & Vodyasov, E.V. (2011) Sistema zhizneobespecheniya srednevekovogo naseleniya Shaytanskogo arkhеologicheskogo mikrorayona [The life-support system of the medieval population in the Shaitansky archeological district]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 236-239.
17. Evseeva, N.S. & Zhilina, T.N. (2008) *Paleogeografiya pozdnelednikov'ya i golotsena (korrelyatsiya sobytiy)* [Paleogeography of the Late Holocene (the event correlation)]. Tomsk: Tomsk State University.